

УДК 930.2 (575.2) (04)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕАБИЛИТАЦИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ГРАЖДАН В КЫРГЫЗСТАНЕ: БОРЬБА РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ

П.И. Дятленко

Проанализирован политический аспект реабилитации жертв сталинских репрессий в Кыргызстане, включающий в себя взаимосвязь внутриполитического курса и реабилитационного процесса, борьбу различных сил и групп по вопросу реабилитации.

Ключевые слова: реабилитация репрессированных граждан; сталинские репрессии; политическая борьба; Кыргызстан.

При изучении и анализе материалов по реабилитации граждан, репрессированных по политическим мотивам в сталинскую эпоху, большой интерес представляет политический аспект данного процесса. Реабилитация репрессированных граждан имела в СССР (и позже, уже в независимом Кыргызстане) не только активных сторонников, но и влиятельных противников, не без основания считавших, что придание огласке преступлений сталинизма бросает тень на советский строй как таковой. Именно реабилитация жертв сталинских репрессий, вместе с критикой сталинизма, стала одним из главных катализаторов политической дифференциации позднего советского общества: разделения его на сторонников глубоких политических реформ и граждан, отрицавших необходимость каких-либо перемен. При этом политико-идеологическое противостояние разных групп интересов не отражалось в информационном пространстве, которое жестко контролировалось советской цензурой.

После XX съезда КПСС в рядах Коммунистической партии Киргизии появились проявления политического инакомыслия, в виде споров о решениях XX и XXII съездов, оценки фигур И.В. Сталина и Н.С. Хрущева. Именно в те годы отношение к И.В. Сталину и его деятельности разделило общественное мнение на две противостоящие группы, что продолжается и даже временами обостряется до настоящего времени [1, с. 40, 58].

Политический аспект реабилитации включает в себя несколько основных компонентов: борьбу за реабилитацию жертв политических репрессий и запрещенного культурного и иного

наследия; частичную либерализацию внутренней политики; борьбу различных групп интересов по вопросу реабилитации (в партократии, интеллигенции, правоохранительной системе); правовой аспект реабилитации (узкое и широкое понимание правового термина “реабилитация”, его трактовка в советском законодательстве и правоприменительной практике). Проанализируем процесс борьбы различных групп интересов (в партократии, интеллигенции, правоохранительной системе) в Кыргызской ССР на конкретных примерах.

Реабилитация в Кыргызской ССР имела определенные особенности. Имели место случаи, когда реабилитацию проводили сотрудники правоохранительных структур (судьи, прокуроры, следователи, чекисты), причастные к проведению сталинских репрессий. Иногда сотрудники силовых ведомств уходили на повышение на партийную работу. К тому же в республике, как и во многих небольших замкнутых сообществах, существовала практика наследственного предпочтения при выборе профессии. Часто сын милиционера становился следователем или судьей. В некоторых случаях такие династии в правоохранительных органах Кыргызстана продолжают существовать до сих пор, что влияло и влияет на режим хранения документов по сталинским репрессиям и общее отношение силовиков к этому вопросу. Также из-за небольшой территории и немногочисленного населения республики, сохранения родовой структуры у кыргызов профессиональная замкнутость и сплоченность правоохранительных структур была еще более сильной. Естественно, это негативно сказыва-

лось на реабилитационном процессе и отношении к реабилитированным гражданам.

Многие партийные чиновники, включая руководителей партийной организации Киргизской ССР, предпочитали перестраховываться в вопросах реабилитации репрессированных граждан и культурного наследия. Они затягивали или запрещали реабилитацию, так как боялись реакции союзного партийного руководства. Часть интеллигенции придерживалась такой же позиции. В качестве примера можно привести борьбу за реабилитацию запрещенного творчества Молдо Кылыча и Касыма Тыныстанова.

Первая попытка, предпринятая во второй половине 1950-х гг. отдельными представителями интеллигенции снять необоснованные политические обвинения и сделать произведения Молдо Кылыча и К. Тыныстанова доступными для рядовых читателей, провалилась из-за упорного сопротивления высших функционеров Коммунистической партии Киргизской ССР. Бюро ЦК КП Киргизии 14 и 18 декабря 1959 г. отменило свои прежние решения по вопросу реабилитации творчества Молдо Кылыча и К. Тыныстанова, и приняло новое постановление на основе двух записок – “Об ошибках в оценке литературного творчества Молдо Кылыча и К. Тыныстанова”, подготовленной пятью высокопоставленными партийными чиновниками, и “За ленинскую оценку культурного наследия”.

В постановлении предписывалось принимать “решительные меры к пресечению проявлений пережитков буржуазного национализма”. Осуждались “ошибочные и политически вредные выступления отдельных деятелей науки и литературы республики (Б. Юнусалиев, А. Токомбаев, Б. Керимжанова, К. Маликов, Ш. Уметалиев и др.)”. Редакторам республиканских газет “Советская Киргизия” и “Советтик Кыргызстан” указывалось на допущенную ими политическую ошибку, выразившуюся в публикации материалов, популяризирующих личность и творчество К. Тыныстанова. Президиумы Академии наук и Союза писателей Киргизской ССР были обязаны устранить допущенные ошибки в оценке литературного наследия и сосредоточить главное внимание “на всестороннем изучении и популяризации советского периода истории, насыщенного великими революционными мыслями и героическими свершениями”. Данное постановление предписывалось обсудить на собраниях парторганизаций вузов, научно-исследовательских учреждений общественных наук, творческих

союзов, редакций газет и журналов, издательств и радиовещания [2, с. 189].

Были отменены постановления ЦК КП Киргизии от 22 января 1958 г. “О реабилитации К. Тыныстанова в партийном порядке” и от 14 мая 1958 г. “Об итогах обсуждения творчества Молдо Кылыча” “как неправильные” [2, с. 189]. После этого в течение трех десятилетий необоснованные политические обвинения и идеологические ярлыки, приведшие к гибели К. Тыныстанова, мешали публикации его произведений. В научных и учебных изданиях его имя оставалось символом “буржуазного националиста”, ведущего борьбу с влиянием русской культуры, с интернациональной политикой партии в вопросах языка и литературы. В том числе считалось, что он, якобы, в 1926 г. возражал против перевода кыргызского языка с арабской графики на латиницу. Хотя на самом деле К. Тыныстанова был одним из инициаторов и активных сторонников этой реформы.

Лишь на втором этапе реабилитации, 29 декабря 1988 г., по итогам работы комиссии, специально созданной из московских и кыргызстанских литераторов по изучению творчества Молдо Кылыча и К. Тыныстанова (З.С. Кедрина, В.Е. Ковский, Т.Т. Давыдова, Б.О. Орузбаева, К. Асаналиев, С. Джигитов, М. Байджиев, А. Эркебаев и В. Шаповалов). ЦК КП Киргизии снял запрет на изучение и публикацию их произведений, что послужило сигналом для партийной реабилитации и начала переиздания произведений других, находившихся под запретом кыргызских авторов (Калыгула, Арстанбека, Молдо Нияза, Нур Молдо, Боогачы, Женижока, Эшмамбета, О. Сыдыкова, С. Карачева, О. Лепесова, Т. Джолдошева, Б. Кененсарина, Б. Калпакова, Ш. Коконова, С. Нааматова, А. Токомбаева, М. Элебаева и К. Маликова). В итоге это существенно обогатило национальную литературу Кыргызстана. Помимо прочего, подверглась пересмотру сфальсифицированная история возникновения и становления профессиональной литературы Кыргызстана.

Принятию этого решения способствовало ранее принятое постановление ЦК КПСС от 22 октября 1988 г., объявившее ошибочным постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”».

В течение 1950-х–80-х гг. большой вклад в реабилитацию творчества Молдо Кылыча и Касыма Тыныстанова внесли представители прогрессивной интеллигенции (но не партийных чиновников и сотрудников правоохранительных

структур) – Ч.Т. Айтматов, К.А. Асаналиев, М. Ауэзов, М.Т. Байджиев, М.И. Богданова, С.Д. Джигитов, А.Ч. Какеев, Х. Карасаев, Б.Д. Керимжанова, К. Маликов, М.А. Рудов, Т. Саманчин, А. Токомбаев, Ш. Уметалиев, К.К. Юдахин, Б.М. Юнусалиев [2, с. 176–198].

Или другой пример подобной негласной политической борьбы, шедшей в республике. Академик А. Эркебаев вспоминает: “Свою кандидатскую диссертацию, досрочно завершенную и успешно защищенную в Москве еще в годы застоя, когда у нас (в Киргизской ССР – автор П.Д.) невозможно было даже упомянуть об этом, я посвятил дореволюционным письменным памятникам, произведениям Молдо Нияза, Молдо Кылыча и творчеству репрессированных писателей советского периода К. Тыныстанова, С. Карачева, С. Наматова, Т. Джолдошева и других.

Эта работа получила восторженную оценку в Москве, у нас же стала объектом для доносов в ЦК, якобы, за то, что в ней делается ревизия партийных решений. Один из таких доносов написал тогда доктор филологических наук, член-корреспондент АН. Отдельные положения и фрагменты моей диссертации... были опубликованы в свое время в таких авторитетных московских журналах, как “Вопросы литературы”, “Дружба народов”, “Советская литература” и в коллективной монографии “Советский многонациональный роман”, изданной в той же Москве...

Вернувшись во Фрунзе после пятилетней учебы в Москве, выпускник столичной аспирантуры не смог устроиться на работу. Долгое время был без работы. Причина столь нелюбезной встречи на родине выглядит более чем нелепо: свою кандидатскую диссертацию начинающий ученый посвятил творческому наследию репрессированных киргизских писателей. Послушные тогдашней политике, именитые литераторы не приняли в свой круг молодого коллегу, которому после долгих поисков пришлось зарабатывать на хлеб трудом... лектора республиканского ЦК комсомола” [3, с. 7, 50–51].

М.Т. Байджиев отмечает: “Преследования З. Бектенова и Т. Саманчина, получивших полную реабилитацию и вернувшихся живыми из заключения, а также ученых Х. Карасаева, стареющего К.К. Юдахина, больного Ж. Шукурова продолжались до конца 60-х годов. Труды их практически не печатались, работу по специальности им не давали. Касым Тыныстанов, реабилитированный прокуратурой СССР и посмертно восстановленный в партии, продолжал числиться в списке “врагов народа”.

Вернувшись из тюрьмы, З. Бектенов еще семь лет сидел дома без работы. Только после того, как И. Раззаков был смещен с должности первого секретаря ЦК КПК и отправлен в Москву, З. Бектенова приняли на работу в Киргизский университет.

После освобождения З. Бектенов неоднократно пытался попасть к И. Раззакову на прием, хотел рассказать ему о его заблуждениях по отношению к своему другу (Ташиму Байджиеву – автор П.Д.) и себе самому, но так и не дождался” [4, с. 84, 100].

Партийное руководство Киргизской ССР целенаправленно дискриминировало ряд реабилитированных ученых и стремилось пресечь возможные попытки дискуссий о сталинских репрессиях и реабилитации, что могло привести к появлению критических оценок советской истории и действительности. В 1970-х годах при выходе Энциклопедии Киргизской ССР статью о Зияше Бектенове изъяли в сигнальном экземпляре. М.Т. Байджиев пишет по этому поводу: “Бдительное око старых стукачей не дремало” [4, с. 110].

Попытки потомков репрессированных граждан добиться реабилитации своих родителей вызвали жесткое сопротивление партийных функционеров Коммунистической партии Киргизии и части интеллигенции. В качестве примера назовем Чингиза Айтматова и Мара Байджиева.

В течение многих лет Чингиз Айтматов боролся за реабилитацию своего репрессированного отца, пытался выяснить подробности его смерти и восстановить его доброе имя. В качестве одного из способов привлечь внимание к Торекулу Айтматову и его репрессированным друзьям Ч.Т. Айтматов включал упоминание о них в свои публицистические статьи и очерки в 1950–1970-х гг., поддерживал разоблачение культа личности И. Сталина и реабилитацию жертв репрессий [5, с. 54–55, 90, 96, 97, 153].

Парторг Министерства культуры Киргизской ССР однажды заявил с трибуны: “Как волка не корми – он все в лес смотрит. Айтматов и Байджиев хотят отомстить за своих отцов, поэтому отображают негативные стороны нашей жизни” [4, с. 118].

30 июня 1979 г. прошло заседание Союза писателей Киргизской ССР, на котором среди прочего был рассмотрен вопрос о М.Т. Байджиеве. После критического обсуждения его творчества заведующий секцией драматургии Союза писателей заявил: «С Байджиевым надо поступить так, как говорил М. Горький: “Если враг не сдается, его уничтожают”». Министр культуры республи-

ки в ответ огласила сведения Всесоюзного агентства по авторским правам: пьесы М.Т. Байджиева идут в 98 театрах Советского Союза, в Германии, Болгарии, Чехословакии, Австрии, Румынии.

В ход идеологического шельмования М.Т. Байджиева включился один из самых известных поэтов, заявивший: “Пьесы Байджиева ставят наши идейные враги. Значит, в них есть антисоветские идеи. Рассказ одного нашего писателя (Чингиз Айтматов – автор *П.Д.*) похвалил Луи Арагон, за что автору дали Ленинскую премию. А этот Арагон оказался нашим врагом. Организовал выступление западных деятелей культуры против политики партии и правительства”. Речь идет о письме двухсот деятелей культуры, осудивших ввод советских войск в Чехословакию в 1968 году [4, с. 119–120].

В итоге Мар Байджиев на долгие годы попал в черный список. СМИ Киргизской ССР не печатали его статьи и не сообщали о его литературном творчестве. Пьесы М.Т. Байджиева ставились в театрах республики через несколько лет после их написания, только после их постановок в театрах Москвы и других городов СССР, стран социалистического лагеря [4, с. 122].

Ж. Сааданбеков вспоминает: в период застоя “понятие “идеологическая дисциплина” стало чуть ли не важнейшим методом работы отделов пропаганды и агитации ЦК (заведующий Ж. Турсунов) и культуры ЦК (заведующая У. Орозова). Именно в эти годы разворачивается разгромная кампания по поводу произведений ряда известных и талантливых писателей, драматургов, кинорежиссеров. Создавались многочисленные комиссии по тем или иным произведениям, где от горкома партии непременно участвовал я, замещающая своего секретаря по идеологии Н. Никитину. Наталья Никитична была умна, обладала политической интуицией и действовала гибко, с оглядкой на ситуацию. Она всячески избегала участия в разборках спектаклей, книг, публицистики кыргызской творческой интеллигенции и включала меня в состав этих комиссий.

Я участвовал на заседании Бюро ЦК, когда обсуждали вопрос об изъятии из репертуара Русского драматического театра им. М.Ю. Лермонтова инсценировки по роману Ч. Айтматова “И дольше века длится день” и пьесы М. Байджиева “Последний поезд”. Помню, первым говорил завотделом пропаганды и агитации ЦК Жаныбек Турсунов, партийный идеолог, известный политической окаменелостью, бывший верным сторожем в лавке догматических догм. Его выступление было агрессивным. Он считал, что

ставить “И дольше века длится день” в театре категорически нельзя. Это будет удар по органам госбезопасности. Нельзя подтачивать советскую систему. Он пытался доказать, что в условиях обострения классовой борьбы и усиления атак буржуазной идеологии в данном произведении не просматривается четко обозначенной партийной, политической позиции.

Второй выступила У. Орозова. Она камня на камне не оставила от пьесы М. Байджиева “Последний поезд”. Она обвиняла автора пьесы в мещанском вырождении, искажении советской действительности, говорила, что нет более лютого врага для народа, чем искус мещанского благополучия, что воспевается М. Байджиевым. В подобном же стиле выступали и ряд других членов Бюро, стараясь “переплюнуть” друг друга в агрессивном использовании марксистских банальностей и жестком требовании порядка в идеологической сфере” [1, с. 67–69].

Борьба за процесс реабилитации и вокруг него была проявлением постепенных изменений советского общества и его настроений, признаком формирования в нем различных мнений и взглядов, в числе которых были и оппозиционные по отношению к советской власти. Именно этого и открытия всей полноты трагической правды о сталинских репрессиях боялись многие партийные функционеры Коммунистической партии, правоохранительные структуры, часть консервативно и прокоммунистически настроенной интеллигенции и лица, причастные в той или иной мере к проведению самих репрессий. В силу этих причин данные группы интересов препятствовали реабилитационному процессу, за который активно боролись представители прогрессивно настроенной интеллигенции и родственники репрессированных граждан.

Литература

1. Сааданбеков Ж. Моя жизнь. Бишкек: Алтын Принт, 2010.
2. Дятленко П.И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане (1954–1999 гг.) / Отв. ред. В.М. Плоских. Бишкек: КРСУ, 2010.
3. Эркебаев А. Десять лет в политике: Выступления, статьи, интервью. Бишкек: ЖЭКА ЛТД, 2000.
4. Байджиев М.Т. Ташим Байджиев. Бишкек: ЖЗЛК, 2004.
5. Айтматов Ч. В соавторстве с землей и водою... Очерки, статьи, беседы, интервью. Фрунзе: Кыргызстан, 1978.